

**Сонет Серебряного века.
Сборник стихов. В 2 томах. Том 2**

«Центрполиграф»

2005

Сонет Серебряного века. Сборник стихов. В 2 томах. Том 2 /
«Центрполиграф», 2005

Во второй том сборника сонетов Серебряного века вошли произведения А. Федорова, М. Волошина, И. Коневского, Н. Пояркова, Д. Цензора, Г. Чулкова, Эллиса, А. Блока, В. Комаровского, С. Черного, А. Черемнова, Е. Тарасова, Д. Олерона, Ю. Кричевского, А. Скалдина, С. Соловьева, С. Парнок, Г. Вяткина, В. Хлебникова, Н. Гумилева, В. Ходасевича, И. Северянина, Б. Лившица, М. Струве, Н. Львовой, И. Логинова, А. Радловой, О. Мандельштама, С. Третьякова, М. Цветаевой, И. Грузинова, В. Шершеневича, Э. Багрицкого, С. Есенина, К. Большакова.

, 2005

© Центрполиграф, 2005

Содержание

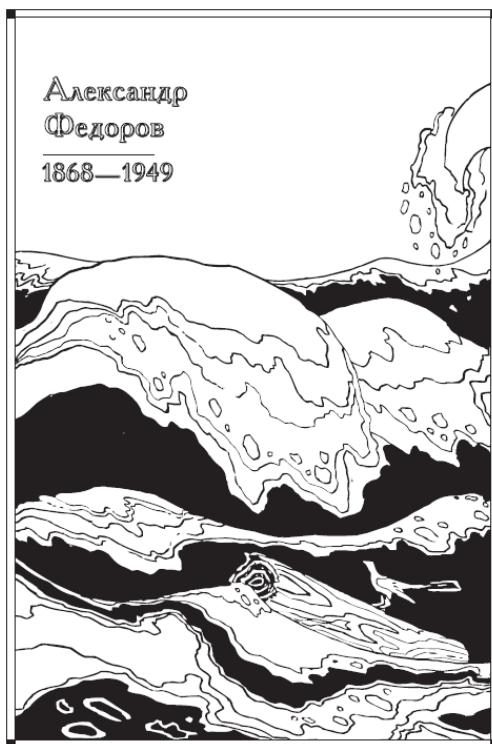
Александр Федоров	7
Из цикла «Океан»	7
Океан	7
Буря	8
На волнах	8
Облака	9
Стихия	9
Туман	9
Сириус	10
Из цикла «Индия»	11
Башня безмолвия	11
Из цикла «Берега»	12
Венеция	12
Нью-Йорк	12
Пустыня	13
Максимилиан Волошин	14
Грот нимф	15
Из цикла «Киммерийские сумерки»	16
IV	16
V	16
VI	17
VII	17
VIII. Mare Internum	18
IX. Гроза	18
X. Полдень	19
XI. Облака	19
XII. Сехмет	20
XIII	20
XIV. Одиссей в Киммерии	21
Диана де Пуатье	21
Из цикла «Париж»	22
IX	22
X	22
Corona astralis [2]	23
I	23
II	23
III	24
IV	24
V	24
VI	25
VII	25
VIII	26
IX	26
X	27
XI	27
XII	28

XIII	28
XIV	29
XV	29
Два демона	31
1	31
2	31
Lunaria	32
I	32
II	32
III	33
IV	33
V	33
VI	34
VII	34
VIII	35
IX	35
X	36
XI	36
XII	37
XIII	37
XIV	38
XV	38
Странник	39
Петербург	40
Города в пустыне	41
Взятие Бастилии	42
Бонапарт	43
Термидор	44
1	44
2	44
3	45
4	45
Каллиера	46
Иван Коневский	48
Священные сосуды	48
Наследие веков	49
Две радости	50
Сын солнца	51
1	51
2	51
3	52
4	52
5	53
Ты миром удивлен	53
Николай Поярков	55
На юге	55
I	55
Красные бабы	56
Друзьям	57

Дмитрий Цензор	58
Из цикла «Старое гетто»	58
1	58
6	59
9	59
На корабле	60
I	60
II	60
У моря	61
Рим и варвары	61
Всадник зла	61
Бессмертие	62
Женщины	62
Из цикла «Старый город»	64
2	64
Из цикла «Осень»	65
4	65
Девственницы	65
В толпе	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Людмила Мартьянова Сонет Серебряного века. Сборник стихов. В 2 томах. Том 2

Александр Федоров

Из цикла «Океан»

Океан

Как много в этом слове – океан!
Еще ребенком я к скитаньям чуял склонность,
Любил зверей и птиц неведомых мне стран,
Тропических цветов и красок обнаженность.

Но мыслью о тебе я был как будто пьян,
О, Океан, небес и вод бездонность!
Как раб – угодливый, всеильный, как титан,
Всеотражающий и сам всеотраженность.

Ты – зеркало Вселенной. Я люблю
Неутоленность недр твоих зеленых,
Тоску, скитанья волн неугомонных.

И, жизнь свою вверяя кораблю,
Я не доскам – волнам ее вверяю,
И мощь твою – своею измеряю.

Буря

Океан! Океан! Он кипит и ревет,
Точно скрыт под водою вулкан.
Пухнет чрево его; ветер пену метет
И свистит: Океан! Океан!

Ополчившихся волн торжествующий стан
Мчит корабль, как добычу, вперед.
Далеко от земли гость неведомых стран.
Берегись, берегись, мореход!

На родном берегу у тебя есть жена,
Есть красавец-малютка, сынок.
Берегись, мореход, вероломна волна,

Океан беспощадно жесток.
Ночь и вопль. Водяная равнина мертва.
На земле сирота и вдова.

На волнах

Я с борта корабля заметил на волнах
Обломок дерева, огромный, но бессильный.
Он бурей вырван был из недр земли обильной,
Где человек, как зверь, живет еще в лесах.

Вокруг ствола, в его изломанных ветвях,
Лианы обвились, как у гробницы пыльной.
Вдруг птичку увидал я на листве могильной,
Она чирикала, ей был неведом страх.

Она о гибели, грозящей ей, не знала.
Вокруг был океан да небо без границ.
Сюда не залетал никто из смелых птиц.

Но пусть на смерть ее стихия обрекала,—
Она не полетит на доски корабля:
Их песни сблизили, и небо, и земля.

Облака

Как в откровении, пророческом и странном,
Библейских образов воздушный хоровод,
Несутся облака над вечным океаном,
Плащами дымными касаясь грозных вод.

Еще они горят в огне зари багряном,
Но сумрачная ночь в объятья их берет,
И молний голубых все чаще перелет, —
И дальний гром гремит торжественным органом.

Так вот и кажется, что там, среди облаков,
При блеске молнии, при грохоте громов,
Сам Бог появится в величьи первозданном.

И ввергнет снова мир, измученный от слез,
В предвечный, огненный, пылающий хаос,
И землю унесет в безбрежность ураганом.

Стихия

И день и ночь в открытом океане.
Меж двух небес колышется вода,
И кажется, что мы уж навсегда
Заключены в сияющем обмане.

Все двойственно, начертано заране:
Пожары зорь, и тучи, и звезда,
И не уйти, как нам, им никуда:
Закованы кольцеобразно грани.

Порой нальются бурей паруса.
Волна корабль с голодным ревом лижет,
И молния упорный сумрак нижет.

Яви, Господь, воочью чудеса:
Окованный стихией бесконечной,
Мой дух направь к его отчизне вечной.

Туман

Туман, кругом туман. Так жутко, неприветно.

Как в млечных облаках, стою я на скале.
Ни неба, ни воды. Нирвана. Безответно.
Все успокоилось в насытившейся мгле.

Проникнуть сквозь нее пытаюсь я – но тщетно.
Все призрачно, как тень на матовом стекле.
Ни красок, ни черты, ни точки не заметно.
Туманом окружен, не верю я земле.

Мой слух, как бы сквозь сон, живые вздохи слышит:
Там, глубоко внизу, где вечный океан,
Придавленная грудь упорно, тяжело дышит

И задыхается. Вдруг пароход-титан
Взревел. Ответный рев нестройно мглу колышет.
Храни вас Бог, пловцы! Туман. Кругом туман.

Сириус

Надменный Сириус на полночи стоял.
Звенел морозный вихрь в ветвях обледенелых.
На гребнях тяжких волн, в изломах снежно-белых
Дробился лунный свет и искрами блистал.

Но глух был ропот волн, от бури поседелых,
Как будто с вечных гор катился вниз обвал,
И клочья пены вихрь налетом с них срывал
И вешал на камнях и скалах почернелых.

В спокойных гаванях дремали корабли.
Но гордый огонек заметил я вдали, —
То вдруг он возникал, то пропадал в просторе.

Безумная душа, кто ты? Зачем? Куда?
Холодный мрак прожгла падучая звезда,
А там, где был огонь, оделось в траур море.

Из цикла «Индия»

Башня безмолвия

Есть в Индии, на выступе высоком,
Немая башня, вестница земли:
Ее далеко видят корабли.
Там смерть царит в безмолвии глубоком.

Чума и голод рыщут над Востоком.
И много трупов в башню принесли;
Над ними грифы тризну завели,
А кости дождь в залив умчит потоком.

Как изваянья бронзовые, спят
На древних камнях парсовой гробницы
Противные пресыщенные птицы;

Их головы змеиные висят...
А солнце жжет, от зноя воздух глохнет,
И на песке вода горит и сохнет.

1903

Из цикла «Берега»

Венеция

Как черный призрак, медленно, беззвучно
Скользит гондола. Тонкое весло
Вздымается, как легкое крыло,
И движется, с водою неразлучно.

Блестит волны бездушное стекло
И отражает замкнуто и скучно
Небесный свод, сияющий докучно,
Безжизненный, как мертвое чело,

И ряд дворцов, где вечный мрамор жарко
Дыханьем бурь и солнца опален.
Венеция! где блеск былых времен?

Твой лев заснул на площади Сан-Марко.
Сквозят мосты. Висит над аркой – арка.
Скользит гондола, черная, как сон.

Нью-Йорк

Зверинец-город, скованный из стали
И камней. Сталь и камни без конца.
Они сдавили воздух и сердца
И небеса, как счастье, украли.

Ни ярких глаз, ни светлого лица,
В котором бы лучи весны блистали.
Бессмысленные камни здесь скрижали,
И золото – сияние венца.

Голодная стихия неустанно
Глотает жертвы алчней океана.
Все в золоте, во всем презренный торг.

Ни проблеска мечты, ни искры чувства.
Живет машина, умерло искусство.
Зверинец-город, мрачный Нью-Йорк!

Пустыня

Пустыня мертвая пылает, но не дышит.
Блестит сухой песок, как желтая парча,
И даль небес желта и так же горяча;
Мираж струится в ней и сказки жизни пишет.

Такая тишина, что мнится, ухо слышит
Движенье облака, дрожание луча.
Во сне бредет верблюд, как будто зной влача,
И всадника в седле размеренно колышет.

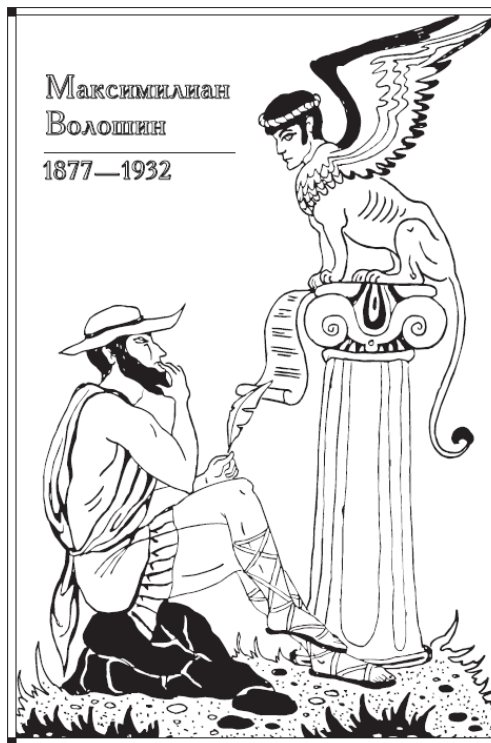
Порою на пути, обмытые песком,
Белеют путников покинутые кости
И сердцу говорят беззвучным языком:

«О бедный пилигрим! Твой путь и нам знаком:
Ты кровью истекал, ты слезы лил тайком.
Добро пожаловать к твоим собратьям в гости».

1903

Максимилиан Волошин

* * *

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты – слезный свет во тьме железной,
Ты – горький звездный сок. А я —
Я – помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

1907

Грот нимф

О, странник-человек, познай священный грот
И надпись скорбную «Amor et dolor».¹
Из бездны хаоса чрез огненное море
В пещеру времени влечет водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь – тропа одним, другим дорога – горе.
И каждый припадет к божественной амфоре,
Где тайной Эроса хранится вещей мед.

Отмечен вход людей оливою ветвистой.
В пещере влажных Нимф таинственной и мгливой,
Где вечные ключи рокочут в тайниках,

Где пчелы в темноте смыкают сотов грани,
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани...

Коктебель, апрель 1907 г.

¹ Любовь и скорбь (*лат.*)

Из цикла «Киммерийские сумерки»

Константину Федоровичу Богаевскому

IV

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры,
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры;
В огне кустарники, и воды – как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках шевелятся фигуры:
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал;

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам...
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь жутко в тесноте... А там простор...
Свобода... Там дышит тяжело усталый океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

1907

V

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин...
На месте городов ни камней, ни развалин...
По склонам выжженным ползут стада овец.

Безлесны скаты гор! Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно-печален.
Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?
Кто знает путь богов: начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щебни;
И море скорбное, вздымая тяжело гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо...
И лики темные отверженных богов
Глядят и требуют... зовут неотвратимо...

1907

VI

Равнина вод колыхается широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мысль, зубчатую стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

Туманный день раскрыл золотое око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Скользит, дробясь над мутной глубиной,—
То колос дня от пажитей востока.

В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

Вверх обрати ладони тонких рук —
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907

VII

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные неизвестной страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственной дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

1907

VIII. Mare Internum

Я – солнца древний путь от красных скал Тавриза
До темных врат, где стал Гераклов град – Кадикс.
Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс,
И струйный столб огня на мне сверкает сизо.

Вот рдяный вечер мой: с зубчатого карниза
Ко мне склонились кедр и бледный тамариск.
Широко шелестит фиалковая риза,
Заливы черные сияют, как оникс.

Люби мой долгий гул и зыбких взводней змеи,
И в хорах волн моих напевы Одиссеи.
Вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь,

И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

IX. Гроза

*Див кличет по древию, велит
слушати
Волзе, Поморью, Посулю, Сурожу...*

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой,

И тутнет гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью,—
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

Х. Полдень

Травую жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извилистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем, и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатую стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душистых трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц —

Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там – во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лица.

1907

XI. Облака

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (все выше, все тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несется бег коней,
Как темный лет разгневанных Эрриний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на доли расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака – Асурь.

1909

ХII. Сехмет

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто с узкой грудью, с профилем гиены
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою распаля.
И персть путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом отвечает земля.

1909

ХIII

Сочилась желчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбка бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел четко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозный стих закатного Корана...
И был наш день одна большая рана,
И вечер стал запекшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

Август 1909

XIV. Одиссей в Киммерии

Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал

Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн все глуше голоса,

И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синеет полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рощ,
Раин и ив, где папоротник, хвощ

И черный тисс одели леса склоны...
Туда идем, к закатам темных дней
Во сретенье тоскующих теней.

17 октября 1907 Коктебель

Диана де Пуатье

Над бледным мрамором склонились к водам низко
Струи плакучих ив и нити бледных верб.
Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб
Тобою осиян, Диана – Одалиска.

Богиня строгая, с глазами василиска,
Над тронem Валуа воздвигла ты свой герб,
И в замках Франции сияет лунный серп
Средь лилий Генриха и саламандр Франциска.

В бесстрастной наготе, среди охотниц нимф
По паркам ты идешь, волшебный свой заимф
На шею уронив Оленя – Актеона.

И он – влюбленный принц, с мечтательной тоской
Глядит в твои глаза, владычица! Такой
Ты нам изваяна на мраморах Гужона.

1907

Из цикла «Париж»

IX

В молочных сумерках за сизой пеленой
Мерцает золото, как желтый огонь в опалах.
На бурный войлок мха, на шелк листов опалых
Росится тонкий дождь осенний и лесной.

Сквозящих даль аллея струится сединой.
Прель дышит влагою и тленьем трав увялых.
Края раздвинувши завес линияло-алых,
Сквозь окна вечера синее свод ночной.

Но поздний луч зари возжег благоговейно
Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна,
Орозовил углы карнизов и колонн,

Зардел в слепом окне, златые кинул блики
На бронзы черные, на мраморные лики,
И темным пламенем дымится Трианон.

1909

X

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты —
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток все тех же лиц, – одних без перемен,
Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов разъяты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб – сквозь дождь издалека

Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша.

1909

Corona astralis ²

I

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стоjar —
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, —
Мы правим путь свой к Солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но – странные, – его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от Солнца снова в ночь —
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремится
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрит нам путь проверенных орбит!

II

Закрит нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, отставшие от роя!..
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево нам парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, —
Явь наших снов земля не истребит!

² Звездный венок (лат.)

III

Явь наших снов земля не истребит:
В парче лучей истают тихо зори,
Журчанье утр сольется в дневном хоре,
Ущербный серп истлеет и сгорит,

Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей, разверстых на Фаворе,
Блеск близких Солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
Земных пустынь, ни жидкие топазы,
Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
Нам ведом день немеркнувших ночей, —
Полночных Солнц к себе нас манят свету.

IV

Полночных Солнц к себе нас манят свету...
В колодцах труб пытливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы Пса до Веги и от Беты
Медведицы до трепетных Плеяд—
Они простор небесный бороздят,
Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел,
Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знанья не потух.
Мы помним все: наш древний, темный дух,
Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

V

Ах, не крещен в глубоких водах Леты

Наш звездный дух забвением ночей!
Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья недопеты...
Когда для всех сапфирами лучей
Сияет день, журчит в полях ручей, —
Для нас во мгле слепые бродят светы,

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
Напрасный ветер свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид...
Но он еще тоскливей и грустнее,
Наш горький дух... И память нас томит.

VI

Наш горький дух... (И память нас томит...)
Наш горький дух пророс из тьмы, как травы,
В нем навий яд, могильные отравы,
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит,
В нем навий яд, могильные отравы,
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны и мертвый лик Сатурна —
Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушеньях звезд рождалась мощь и крепла,
Но дух устал от свеянного пепла, —
В нас тлеет боль внежизненных обид!

VII

В нас тлеет боль внежизненных обид,
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит

Певучий дух, задушенный телами, —
Лаокоон, опутанный узлами
Горючих змей, напрягся... и молчит.

И никогда – ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

VIII

Изгнанники, скитальцы и поэты —
Кто жаждал быть, но стать ничем не смог
У птиц – гнездо, у зверя – темный лог,
А посох—нам и нищенства заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
Расплескан мед, и песни недопеты.

О, в срывах воль найти, познать себя
И, горький стыд смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду,

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду —
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

IX

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,—
Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
И запах тел, и шорохи растенья —
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света – Феб
Дает слепцам глубинные прозренья
Скрыт в яслях бог. Пещера заточенья
Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве

Скупым Отцом ей возвращенный плод,
Свои дары избраннику несет —

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
Кто стал слепым игралищем судеб,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

X

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Видны края расписанной гробницы:
И Солнца челн, богов подземных лица,
И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
В реке плоты, спит зверь, вьют гнезда птицы, —
Так видит он из складок плащаницы
И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
Следить людей напрасные волненья,
Без темных дум, без мысли «почему?»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
Вкусив покой, неведомый тому,
Кому земля – священный край изгнанья.

XI

Кому земля – священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминанья.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущенье клонит взоры,

Кто видит сны и помнит имена.

XII

Кто видит сны и помнит имена,
Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, принял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена;

Кто не пошел искать земной услады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
Все ж не извел родную тень со дна, —
Тому в любви не радость встреч дана.

XIII

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Стремится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски – навеки одинокой,
Как зыбь морей, пустынной и широкой, —
Он не отдаст. Кто оцет жаждал – тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

XIV

А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий – нам,
Нам не ступить по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманным снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз.
Ни светом звезд, ни Солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы,
В себе несем свое изгнанье мы —
В мирах любви неверные кометы!

XV

В мирах любви, – неверные кометы, —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит,—
Полночных Солнц к себе нас манят светлы.

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид,—
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светоч дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля – священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена,—
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!

1909

* * *

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.
Нам темной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смирив плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою,
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней – богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней – уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль – бессмертна жажда муки!

1910

Два демона

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер—небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счетчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни – здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

1911

2

На дно миров пловцом спустился я —
Мятежный дух, ослушник вышней воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив.
В темнице Свободен я. Бессиалием – могуч.
Лишенный крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил – един в моей цевнице,
Как в радуге – един распятый луч.

7 февраля 1915 Париж

Lunaria (Венок сонетов)

I

Жемчужина небесной тишины
На звездном дне овьюженной лагуны!
В Твоих лучах все лица бледно-юны,
В Тебя цветы дурмана влюблены.

Тоской любви в сердцах повторены
Твоих лучей тоскующие струны,
И прежних лет волнующие луны
В узоры снов навеки вплетены.

Твой влажный свет и матовые тени,
Ложась на стены, на пол, на ступени,
Дают камням оттенок бирюзы.

Платана лист на них еще зубчатей
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада снов, владычица зачатий!

II

Лампада снов! Владычица зачатий!
Светильник душ! Таинница мечты!
Узывная, изменчивая, – ты
С невинности снимаешь воск печатей,

Внушаешь дрожь лобзаний и объятий,
Томишь тела сознаньем красоты
И к юноше нисходишь с высоты
Селеною, закутанной в гиматий.

От ласк твоих стихает гнев морей,
Богиня мглы и вечного молчанья,
А в недрах недр рождаешь ты качанья.

Вздуваешь воды, чрева матерей
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви? Алтарь ночных зачатий!

III

Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!
Хрустальный ключ певучих медных сфер!
На твой ущерб выходят из пещер
Одна другой страшнее и косматей.

Стада Эмпуз; поют псалмы проклятий,
И душат псов, цедя их кровь в кратэр,
Глаза у кошек, пятна у пантер
Становятся длиннее и крылатей.

Плоть призраков есть ткань твоих лучей,
Ты точишь камни, глину кирпичей;
Козел и конь, ягнята и собаки

Ночных мастей тебе посвящены;
Бродя в вине, ты дремлешь в черном маке,
Царица вод! Любовница волны!

IV

Царица вод! Любовница волны!
Изгнанница в опаловой короне,
Цветок цветов! Небесный образ Иони!
Твоим рождением женщины больны...

Но не любить тебя мы не вольны:
Стада медуз томятся в мутном лоне
И океана пенистые кони
Бегут к земле и лижут валуны.

И глубиной таинственных извивов
Движения приливов и отливов
Внутри меня тобой повторены.

К тебе растут кораллы темной боли,
И тянут стебли водоросли воли
С какой тоской из влажной глубины!

V

С какой тоской из влажной глубины

Все смертное, усталое, больное,
Ползучее, сочащееся в гное,
Пахучее, как соки белены,

Как опиум, волнуящее сны,
Все женское, текучее, земное,
Все темное, все злое, все страстное,
Чему тела людей обречены,

Слепая боль поднятой плугом нови,
Удушливые испаренья крови,
Весь Океан, плененный в руслах жил,

Весь мутный ил задушенных приятий,
Все, чем я жил, но что я не изжил —
К тебе растут сквозь мглу моих распятий.

VI

К тебе растут сквозь мглу моих распятий —
Цветы глубин. Ты затеплила страсть
В божнице тел. Дух отдала во власть
Безумью плоти. Круг сестер и братий

Раззяла в станы двух враждебных ратей.
Даров твоих приемлет каждый часть...
О, дай и мне к ногам твоим припасть!
Чем дух сильней, тем глубже боль и сжатей...

Вот из-за скал кривится лунный рог,
Спускаясь вниз, алея, багровея... —
Двурогая! Трехликая! Афея!

С кладбищ земли, с распутий трех дорог
Дым черных жертв восходит на закате —
К Диане бледной, к яростной Гекате!

VII

К Диане бледной, к яростной Гекате
Я простираю руки и мольбы:
Я так устал от гнева и борьбы —
Яви свой лик на мертвенном агате!

И ты идешь багровая, в раскате

Подземных гроз, ступая на гробы,
Треглавая, держа ключи судьбы,
Два факела, кинжалы и печати.

Из глаз твоих лучатся смерть и мрак,
На перекрестках слышен вой собак
И на могильниках дымят лампы.

И пробуждаются в озерах глубины,
Точа в ночи пурпуровые яды,
Змеиные, непрожитые сны.

VIII

Змеиные, непрожитые сны
Волнуют нас тоской глухой тревоги.
Словами Змия «Станете, как боги»
Сердца людей извечно прожжены.

Тавром греха мы были клеймлены.
Крылатым стражем, бдящим на пороге.
И нам с тех пор бродящим без дороги
Сопутствует клеймленный лик Луны.

Века веков над нами тяготело
Всепланетное и всепланетное тело
Планеты, сорванной с алмазного венца.

Но тусклый свет глубоких язв и ссадин
Со дна небес глядящего лица
И сладостен и жутко безотраден.

IX

И сладостен и жутко безотраден
Безумный сон зияющих долин.
Я был на дне базальтовых теснин.
В провал небес (о, как он емко-жаден!)

Срывался ливень звездных виноградин,
И солнца диск, вступая в свой притин,
Был над столпами пламенных вершин —
Крылатый и расплесканный – громаден.

Ни сумрака, ни воздуха, ни вод —

Лишь острый блеск агатов, сланцев, шпатов.
Ни шлейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют черный небосвод.
Неистово порывист и нескладен
Алмазный бред морщин твоих и впадин.

X

Алмазный бред морщин твоих и впадин
Томит и жжет. Неумолимо жестк
Рисунок скал, гранитов черный лоск,
Строенье арок, стрелок, перекладин,

Вязь рудных жил, как ленты пестрых гадин,
Наплывы лавы бурые, как воск,
И даль равнин, как обнаженный мозг..
Трехдневный полдень твой кошмарно-страден.

Пузырчатые оспины огня
Сверкают в нимбах яростного дня,
А по ночам над кратером Гиппарха.

Бдит «Volva» – неподвижная звезда.
И отливает пепельно-неярко
Твоих морей блестящая слюда.

XI

Твоих морей блестящая слюда
Хранит следы борьбы и исступлений,
Застывших мук, безумных дерзновений.
Двойные знаки пламени и льда.

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да»,
От Моря Бурь до Озера Видений,
От призрачных полярных взгромождений,
Не видевших заката никогда,

До темных цирков Маге Тепевгагиш —
Ты вся порыв, застывший в гневе яром.
И страшный шрам на кряже Лунных Алып

Оставила небесная секира.
Ты, как Земля, с которой сорван скаल्प —

Лик Ужаса в бесстрастности эфира!

XII

Лик ужаса в бесстрастности эфира —
Вне времени, вне памяти, вне мер!
Ты кладбище немислимых Химер,
Ты иверень разбитого потира.

Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Из статуй плоти огненное «Я»
В нас высек он; дал крылья мысли пленной,
Ваяя смертью глыбы бытия,

Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
И остов недосозданной вселенной —
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!

XIII

Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!
Сплетенье гнева, гордости и боли,
Бескрылый взмах одной безмерной воли,
Средь судорог погасшая звезда.

На духов воль надетая узда,
Грааль Борьбы с причастьем горькой соли,
Голгофой душ пробудешь ты, доколе
Земных времен не канет череда.

Умершие, познайте слово Ада:
«Я разлагаю с медленностью яда
Тела в земле, а души на луне».

Вокруг Земли чертя круги вампира,
И токи жизни пьющая во сне —
Ты жадный труп отвергнутого мира!

XIV

Ты жадный труп отвергнутого мира,
К живой Земле прикованный судьбой.
Мы, связанные бунтом и борьбой,
С вином приемлем соль и с пеплом миро.

Но в день Суда единая порфира
Оденет нас – владычицу с рабой
И пленных солнц рассыпется прибой
У бледных ног Иошуа Бен-Пандира.

Но тесно нам венчальное кольцо:
К нам обратив тоски своей лицо,
Ты смотришь прочь неведомым нам ликом.

И пред тобой, – пред Тайной глубины,
Склоняюсь я в молчании великом,
Жемчужина небесной тишины!

XV

Жемчужина небесной тишины,
Лампада снов, владычица зачатий,
Кристалл любви, алтарь ночных зачатий,
Царица вод, любовница волны,

С какой тоской из влажной глубины
К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
К Диане бледной, к яростной Гекате
Змеиные, непрожитые сны.

И сладостен и жутко безотраден
Алмазный бред морщин твоих и впадин,
Твоих морей блестящая слюда —

Лик ужаса в бесстрастности эфира,
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
Ты жадный труп отвергнутого мира!

Коктебель, 15 июня—1 июля 1913

Странник

Как некий юноша, в скитаньях без возврата,
Иду из края в край и от костра к костру,
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата.

Щемящей радостью душа моя объята.
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру.
Я знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный, долгий путь указан мне судьбой;
Пускай другим он чужд – я не зову с собой:
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий...

Любимое – со мной. Минувшего не жаль.
А ты, – что за плечом, со мною тайно схожий,
Несбыточной мечтой больнее жги и жаль!

1913

Петербург

Посвящается Бальмонту

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь кран мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:
«Люблю сей град, открытый зимним пургам
На топях вод, закованный в гранит.
Он создан был безумным Демиургом.
Вон конь его и змей между копыт!
Конь змею – «сгинь!», а змей в ответ: «Resurgam!»³
Судьба империи в двойной борьбе:
Здесь бунт – там строй; здесь бред – там клич судьбе.
Но во сто лет в стране цветут Рифейской
Ликеев мирт и строгий лавр палестр... »
И глядя вверх на шпиль Адмиралтейский,
Сказал другой: «Вы правы, граф де Местр».

1915

* * *

Неслись года, как клочья белой пены...
Ты жил во мне, меняя облик свой;
И, уносимый встречною волной,
Я шел опять в твои замкнуться стены.

Но никогда сквозь жизни перемены
Такой пронзенной не любил тоской
Я каждый камень вещей мостовой
И каждый дом на набережной Сены.

И никогда в дни юности моей
Не чувствовал сильнее и больней
Твой древний яд отстоянной печали —

На дне дворов, над крышами мансард,
Где юный Дант и отрок Бонапарт
Своей мечты миры в себе качали.

19 апреля 1915 Париж

³ Resurgam – воскресну (*лат.*).

Города в пустыне

Акрополи в лучах вечерней славы.
Кастилий нищих рыцарский покров.
Троады скорбь среди немых холмов.
Апулии зеркальные оправы.

Безвестных стран разбитые заставы,
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.

Озер агатовых колдующие очи.
Сапфирами увлажненные ночи.
Сухие русла, камни и полынь.

Теней Луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты...

24 октября 1916

Взятие Бастилии

*14 июля 1789 – ничего.
Дневник Людовика XVI*

Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль.
В ушах звенит призыв Камиля Демулена.
Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.
Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и Де-Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят стол и надпись: «Здесь танцуют».

Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже. Помешали...

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:
«Четырнадцатого июля – ни-чего».

1917

Бонапарт (10 августа 1792 г.)

Il me mengue deux batteries pour balayer toute cette canaille là⁴
Мемуары Бурьена, слова Бонапарта

Париж в огне. Король низложен с трона.
Швейцарцы перерезаны. Народ
Изверился в вождях, казнит и жжет.
И Лафайет объявлен вне закона.

Марат в бреду и страшен, как Горгона.
Невидим Робеспьер. Жиронда ждет.
В садах у Тюильри водоворот
Взметенных толп и львиный зев Дантона.

А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презреньем – холоден и нем —
На буйных толп бессмысленную толочь,

И, слушая их иступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей «рассеять эту сволочь».

21 ноября 1917

⁴ Мне не хватает двух батарей, чтобы смести всю эту сволочь (фр.).

Термидор

1

Катрин Тео по власти прорицаний.
У двери гость – закутан до бровей.
Звучат слова: «Верховный жрец закланий,
Весь в голубом, придет, как Моисей,

Чтоб возвестить толпе, смилив стихию,
Что есть Господь! Он – избранный судьбой,
И, в бездну пав, замкнет ее собой...
Приветствуйте кровавого Мессию!

Се Агнец бурь! Спасая и губя,
Он кровь народа примет на себя.
Един Господь царей и царства весит!

Мир жаждет жертв, великим гневом пьян.
Тяжел Король... И что уравновесит
Его главу? – Твоя, Максимильтян!»

2

Разгар Террора. Зной палит и жжет.
Деревья сохнут. Бесятся от жажды
Животные. Конвент в смятении. Каждый
Невольно мыслит: завтра мой черед.

Казнят по сотне в сутки. Город замер
И задышается. Предместья ждут
Повальных язв. На кладбищах гниют
Тела казненных. В тюрьмах нету камер.

Пока судьбы кренится колесо,
В Монморанси, где веет тень Руссо,
С цветком в руке уединенно бродит,

Готовя речь о пользе строгих мер,
Верховный жрец – Мессия – Робеспьер —
Шлифует стиль и тусклый лоск наводит.

3

Париж в бреду. Конвент кипит, как ад.
Тюрьо звонит. Сен-Жюста прерывают.
Кровь вопиет. Казненные зывают.
Мстят мертвецы. Могилы говорят.

Вокруг Леба, Сен-Жюста и Кутона
Вскипает гнев, грозя их затопить.
Встал Робеспьер. Он хочет говорить.
Ему кричат: «Вас душил кровь Дантона!»

Еще судьбы неясен вещей лет.
За ним Париж, коммуны и народ —
Лишь кликнуть клич, и встанут исполины.

Воззвание написано, но он
Кладет перо: да не прейдет закон!
Верховный жрец созрел для гильотины.

4

Уж фурии танцуют карманьолу,
Пред гильотиною подъемля вой.
В последний раз подобная престолу,
Она царит над буйною толпой.

Везут останки власти и позора:
Убит Леба, больной Кутон без ног...
Один Сен-Жюст презрителен и строг.
Последняя телега Термидора.

И среди них на кладбище химер
Последний путь свершает Робеспьер.
К последней мессе благовестят в храме,

И гильотине молится народ...
Благоговейно, как ковчег с дарами,
Он голову несет на эшафот.

1917 г. 7 декабря

Каллиера

Посв. С. В. Шервинекому

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стерт,

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец, над городищем вознесенный,
Народ зовет «Иссыпанной короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера,—
Отроковица эллинской земли
В венецианских бусах – Каллиера.

* * *

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата.

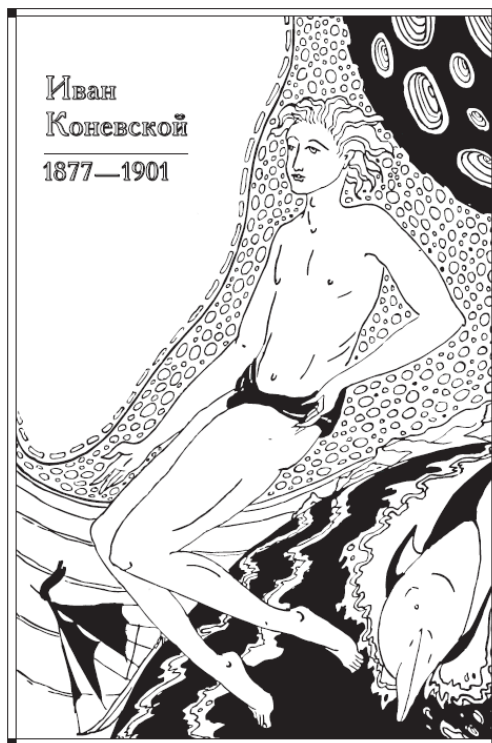
Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом, – со мною тайно схожий, —
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

Иван Коневский

Священные сосуды

В сосудах духа много мыслей есть,
Что бережно, внимательно, тревожно —
Ах, так легко расплестать нам их можно! —
Как ценное вино, должны мы несть.
Как приговор, страшит нас эта весть:
Что за томленье – жить так осторожно!
А расплеснет вино тот раб ничтожный,
Что буйствовать захочет, пить и есть.

Ужель же должен всяк из нас, в течение
Всей жизни, в судорожном напряженьи
Держать сосуд – не то дрожит рука?
Смирим сердец мятежные порывы;
Тогда пройдем, свободны, горделивы,
Сквозь жизнь – и будет длань, как сталь, крепка.

1896 г. Боровичекй уезд

Позднее лето в Новгородском краю, и ранняя осень. Петербург.

Наследие веков

Вере Ф. Штейн

Когда я отроком постиг закат,
Во мне – я верю – нечто возродилось,
Что где-то в тлен, как семя, обратилось:
Внутри себя открыл я древний клад.
Так ныне, всякий с детства уж богат
Всем, что издревле в праотцах копилось:
Еще во мне младенца сердце билось,
А был зрелей, чем дед, я во сто крат.

Сколь многое уж я провидел! Много
В отцов роняла зерен жизнь-тревога,
Что в них едва пробилась, в нас взошли,
Взошли, овеяны дыханьем века,
И не один родился в свет калека,
И все мы с духом взрытым в мир пошли.

1896

Две радости

Ф. А. Лютеру

Когда душа сорвется с высоты,
Когда взвилась она тяжелым взмахом,
Она сперва оглянется со страхом
На мир веселой, бойкой суеты.
Как ей не помнить горней красоты?
Но принята она в объятия прахом:
И прах ей сладостен, а в ней зачах он —
Цветок вершин и снежной чистоты.

Страдать невмочь нам, и к земле прижмется
Наш детский дух и кровно с ней сживется,
И вот уж тесный угол наш нам мил.
Ах, если б праздник неземной потребности,
Как пастырь, что благословляет хлебы,
И пестрых будней игры осенил!

1896

Сын солнца

Другу моему Асканию

*«...В переливах жизни
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни».*

Кольцов

1

Рост и отрада

В полуязыческой он рос семье
И с детства свято чтит устав природы.
Не принял веры в ранние он годы:
К нам выплыл он пытателем в ладье.
И вот однажды, лежа в забытьи
Под деревом, в беспечный миг свободы,
Постиг он жизни детской хороводы
И стрекозы благое бытие.

«Ты, стрекоза, гласил он: век свой пела.
Смеяться, петь всю жизнь – да, это – дело
И подвиг даже... после ж – вечный сон».
А солнце между тем ему палило
Венец кудрей, суровый свет свой лило
В отважный ум – и наслаждался он.

1896

2

Средь волн

И плавал он в сверкающих волнах,
И говорил: вода—моя стихия!
Нырять в зыби, в хляби те глухие,
Как тешился он в мутных глубинах!
Там он в неистовых терялся снах.
Потом, стяхнув их волшебства лихие,
Опять всплывал, как божества морские,
В сознании ясном, в солнечных странах.

С собой он брызги вынес из пучины.
Мы брызгаться пустились, как дельфины,
И ослепительный поднялся плеск.

Я, ослеплен и одурен, метался.
Его же прояснял тот водный блеск:
Дух в лучезарных взрывах разрастался.

1896

3 Снаряды

Мир тайных сил, загадка естества,
Хвала вам, исполинские снаряды!
Как рока песнь, что воют водопады,
Держава ваша ужасом жива.
Здесь человек забыл свои права,
Нет упоенью дикому преграды,
И у безличья молит он пощады,
И в хаосе кружится голова.

Здесь весь наш мир, здесь рок неумолимый,
Каким-то жаром внутренним палимый,
В снарядах дивных предо мной живет.
Но царство то теснят родные тени:
Рок отступил под натиском хотений,
Наш ум его в приспешники зовет.

1896 г.

Нижний Новгород (Машинный отдел выставки)

4 Starres ich

(С. П. Семенову)

Проснулся я среди ночи. Что за мрак!
Со всех сторон гнетущая та цельность,
В которой тонет образов отдельность:
Все – хаоса единовластный зрак.
Пошел бродить по горницам я: так...
В себе, чтоб чуют воли нераздельность,
Чтоб не влекла потемок беспредельность,
Смешаться с нею в беспросветный брак.

Нет, не ликуй, коварная пучина!
Я – человек, ты – бытия причина,
Но мне святыня – цельный мой состав.
Пусть мир сулит безличия пустыня —
Стоит и в смерти стойкая твердыня,

Мой лик, стихии той себя не сдав.

1896

5

От солнца к солнцу

И потому, сын солнца, ты не прав.
В стихийной жизни, в полусне громадном
Я погружался взором робко-жадным,
Но не сломил я свой строптивый нрав.
Ужели же оцепененьем хладным
Упьешься ты, о резвый сын забав?
Нет, обмороков негу восприяв,
Рванешься снова к играм нам отрадным.

Прильнув столь кровно к роднику движенья,
Ты не познаешь ввек изнеможенья,
Пребудешь ты ожесточенно жив.
От наших светов призван оторваться,
Под новым солнцем будет наливаться
Дух вечно-обновимый, как прилив.

1896

Ты миром удивлен

Ф. А. Лютеру

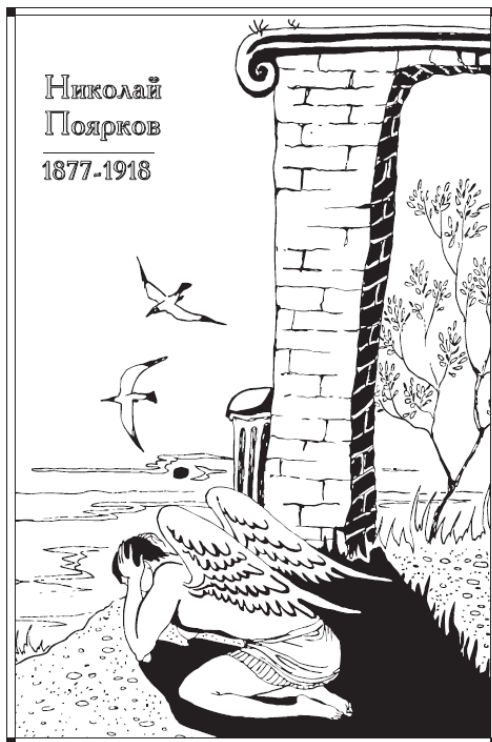
Ты миром удивлен, ты миром зачарован,
Ступаешь по камням суровых городов.
Мечтой ты умилен, любовью взволнован
И не забыл души младенческих годов.
В своей светлице упоен ты солнца светом,
Но сердцем чающим стремишься в дальний путь.
Часы все дня и лет звучат тебе приветом,
Наперерыв шепча: меня не позабудь!

Вступив с тобою в речь, ту жизнь я обретал,
Которой жаждал я, пред коей трепетал,
Когда не верилось ее бодрящей неге.
Но я к тебе приду, наставник мой родной,
Мечтая увидеть всегда, как той весной,
Березы божьей светлые побеги.

1898/99

Николай Поярков

На юге

Маркизе R...

I

Виноград зацвел. Все пьяно.
Льется сладкий аромат.
Солнце встало слишком рано,
В полдень зноем полон сад.

Из-за мраморных аркад
Смотрит торс нагой богини.
Замер воздух бледно-синий,
Треск назойливых цикад.

В ярком золоте карнизы.
Стынет море, реют птицы.
Жарко. Лень. У ног маркизы.

Я сижу. Молчу. Курю.
Я измучен зноем Ниццы,
Жду вечернюю зарю.

Красные бабы

Предвечерний напев колокольный.
Заливные луга разметались привольно.
Река изогнулась в стальную дугу.
Красные бабы поют на лугу.

Пылают травы душистые, ломкие.
Красные бабы. Закат многоцветный.
Песни веселые, милые, звонкие,
Хочется бросить им песней ответной.

Развернулася даль без конца широка.
Вся осыпана солнцем закатным,
Изгибается плавно, спокойно Ока,
Пахнуло забытым, былым, невозвратным.

Красные бабы поют на лугу.
Петь хочу. Не могу.

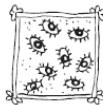
Друзьям

Я чашу муки пью без стона,
В страданиях знаю светлый миг.
Мне рок сулил знать ужас звона
Болезни тягостной вериг.

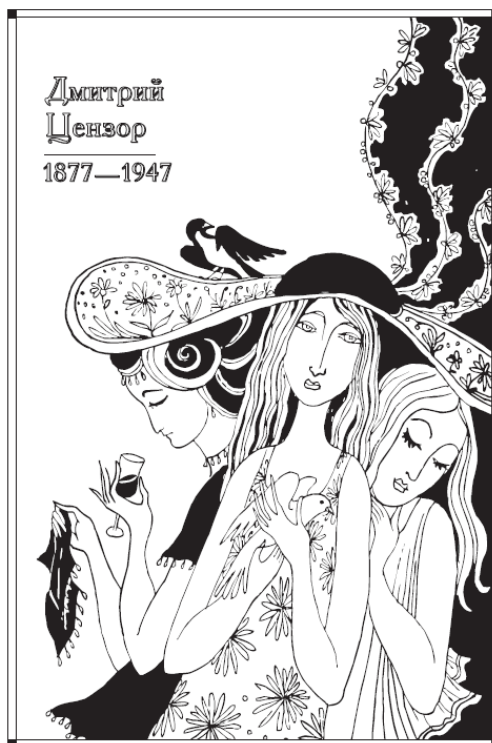
Вам—ласки женщин, шум притона,
Сплетенье жизненных интриг,
А мне спокойствие затона
И чародейство милых книг.

Я был здоров и пил отравы,
Но, право, все забыл давно...
Под взмахом кос ложатся травы.
Ходить, лежать, не все ль равно?

Я весь под власть наркоза,
Меня пьянит, колдует – Греза.

Дмитрий Цензор

Из цикла «Старое гетто»

1

Нависли сумерки. Таинственны и строги
Пустые улицы. Им снится даль времен.
И только иногда, смущая мутный сон,
Спешит по ним еврей – дитя земной тревоги.

Брожу у ветхих стен угрюмой синагоги —
И слышу пение унылое, как стон...
Здесь тени скорбные глядят со всех сторон, —
О, как бледны они, измучены, убоги!

Здесь реют призраки кровавых темных лет
И молят жалобно и гонятся вослед
Испуганной мечте... Сгустилась тьма ночная.

И гетто старое мне шепчет, засыпая:
«Возьми моих детей... Им нужен вольный свет...
Им душно, душно здесь... Темна их доля злая...»

6

В безмолвии старинного квартала
Проходит жизнь, туманная, как бред.
Сменился день. Глухая ночь настала
И зажелтел из окон тусклый свет.

И в поздний час у мрачного портала
Я жду ее—хранящую обет...
Она глядит печально и устало,
И призрачно звучит ее привет.

И бродим мы, тоскуя и любя,
Безмолвные, безропотно скорбя,
Мы ничего не ждем и безнадежны

Часы любви. Над нами ночь и тьма.
Вокруг молчат потухшие дома.
И грезы их, как старость, безмятежны.

9

В садах мечты я выстроил чертог...
Ведут к нему воздушные ступени,
Хрустальный свод прозрачен и высок,
Везде цветы, цветы и блеск весенний.

В чертог любви и чистых наслаждений
Я уйду от скорби и тревог И вижу сны...
Я в них всеильный гений,
Восторженный и радостный, как бог.

Когда же день бросает алчный зов,—
Мои мечты – испуганные птицы
Умчатся вдаль... и снова, бледнолицый,

Блуждаю я меж стонущих рабов.
И жизнь моя тоскливее темницы,
Не знающей ни солнца, ни цветов.

На корабле

I

Струится зной по дремлющим волнам,
И медленно проходит без возврата
Глубокий день. Горит пожар заката,
И алый свет скользит по облакам.

Равнина вод молчанием объята.
И облака спешат, как в дальний храм,
К пурпурной мгле, в пустыню небоската,
И, замерев, стоят недвижно там.

Корабль устал. Качаясь, тихо дремлет.
Мертвеет зыбь, и виснут паруса.
И я один в слепые небеса

Гляжу с тоской... Мой дух затишью внемлет
И жаждет бурь. Закатный меркнет свет.
Уж ночь близка. Уж поздно. Бури нет...

II

Медлительно сходились туч ряды,
Бросая в тьму гудящие зарницы,
И прыгали, как яростные львицы,
Соленых волн вспененные гряды.

Корабль стонал в предчувствии беды...
Но ликовал я, смелый, бледнолицый.
Я пел. И крик морской полночной птицы
Мне отвечал из неба и воды.

А на заре настала тишина.
Лениво нас баюкала волна.
Но день пылал. И, бурей утомленный,

Благословлял я солнечный восход
И синеву золотопенных вод,
И край мечты, безвестный, отдаленный.

У моря

Полночь. У моря стою на скале.
Ветер прохладный и влажно-соленый
Трепетно обнял меня, как влюбленный,
Пряди волос разметал на челе.

Шумно разбилась на камни волна —
Брызнула пеной в лицо мне обильно...
О, как вздымается грудь моя сильно,
В этом раздолье предбурного сна!

Я одинок и свободен. Стою
Полный желаний и думы широкой.
Море рокочет мне песню свою...

В гавани темной, затихшей, далекой
Красное пламя на мачте высокой
В черную полночь вонзает струю.

Рим и варвары

Восстали варвары на исступленный Рим.
Безумный цезарь пьян среди ужаса и стона,
Рабы-сенаторы трепещут перед ним,
И кровь народная дошла к ступеням трона.

Продажный дух льстецов бессильно-недвижим
Позор и ложь царят под сводом Пантеона.
О, родина богов! – твое величье – дым...
И бойся грозного дыхания циклона.

Спеши! Из пьяных урн кровавый сок допей!
Уж Варвары идут от солнечной равнины
С душою мощною, как веянье степей.

Свободный, новый храм воздвигнут исполины
И сокрушат они гниющие руины
Разврата, казней и цепей.

Всадник зла

К картине Ф. Штука

Кровавый ураган затих над мертвой нивой.
Холодная, как сталь, над ней синее мгла.
И ворон чертит круг зловеще-прихотливый,
И страшен взмах его тяжелого крыла.

Безмолвие и смерть. Толпою молчаливой,
Сплетенные борьбой, разбросаны тела...
Но вот встает из мглы великий Всадник
Зла На призрачном коне, в осанке горделивой.

Свинцовый, тяжелый взор вперяет в землю он.
Ступает черный конь по трупам искаженным,
И слышен в тишине последней муки стон...

И всадник смотрит вдаль: потоком озлобленным
Ползут его рабы, гудит железный звон...
Хочет великан над миром исступленным.

Бессмертие

Кто из нас станет богом?

Альфред Мюссе

О, если ты пророк, – твой час настал. Пора!
Зажги во тьме сердец пылающее слово.
Ты должен умереть на пламени костра
Среди безумия и ужаса земного...

Не бойся умереть. Бессмертен луч добра.
Ты в сумраке веков стократно вспыхнешь снова.
Для песни нет преград, – она, как меч, остра;
И нет оков словам, карающим сурово...

И тусклые года томлений и тревог,
Как факел, озарит, страдалец и пророк,
Негаснувший костер твоей красивой смерти.

Из пламени его голодных языков
Не смолкнет никогда мятежно яркий зов:
«Да будет истина! Да будет правда! – Верьте!»

Женщины

Печальные, с бездонными глазами,

Горевшие непонятой мечтой,
Беспечные, как ветер над полями,
Пленявшие капризной красотой...

О, сколько их прошло передо мной!
О, сколько их искало между нами
Поэзии и страсти неземной!

И каждая томилась и ждала
Красивых мук, невысказанной неги.
И каждая безгрешно отдала
Своей весны зеленые побегии...

О, ландыши, грустящие о снеге,—
О, женщины! У вас душа светла
И горестна, как музыка элегий...

Из цикла «Старый город»

2

Есть грустная поэзия молчанья
Покинутых старинных городов.
В них смутный бред забытого преданья,
Безмолвие кварталов и дворцов.

Сон площадей. Седые изваянья
В тени аркад. Забвение садов.
А дни идут без шума и названья,
И по ночам протяжен бой часов.

И по ночам, когда луна дозором
Над городом колдует и плывет,—
В нем призрачно минувшее живет.

И женщины с наивно-грустным взором
Чего-то ждут в балконах, при луне...
А ночь молчит и грезит в тишине.

Из цикла «Осень»

4

Шелест осени

Я вижу из окна: гирлянды облаков
Из слитков золотых плывут по синеве.
Идет их поздний блеск желтеющей листве,
Печально-праздничной гармонии цветов.

Приходят сумерки. Ложатся по траве
И веют холодом покинутых углов.
Деревьям жаль тепла. Небрежен их покров,
Поблекший, шелковый, в причудливой канве.

И прошлого не жаль. И помнит старый сад
Больную девушку в тени густых ветвей.
Был нежен и глубок ее печальный взгляд.

Пустынно и мертво тоскует глушь аллея.
И в золоте вершин дрожит последний свет,
Как память о былом, чему возврата нет.

Девственницы

Расцветших девственниц безгрешные постели, —
Их свежесть, белизна, их утренний наряд, —
Они весенние, святые колыбели,
Где грезы о любви томятся и грустят.

Упругие черты стыдливо опьянели
И молят о грехе томительных услад.
К ним никнут юноши в невысказанной цели,
Но гонит их душа смущенная назад.

И сон девический неопытен и тих.
И бродят ангелы, задумавшись о них,
На ложе чистое роняя снежность лилий.

Невинные сердца тоску и жажду слили.
Когда же бледный день, целуя, будит их, —
С улыбкой девушки припомнят, – что любили.

В толпе

Люблю искать случайность приближений,
Среди людей затерянным бродить.
Мы чужды все, но призрачная нить
Связала нас для жизни и мгновений.

И я иду намеки дня следить,
Вникая в гул разрозненных движений.
Одни таят безумье преступлений,
Другим дано великое творить.

И нет границ меж красотой и злом.
Печаль везде томится беспредельно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.